

УДК 94(100)“1914-1918”:316.75

Алфёрова И.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

Фишер Е.С., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

«ПРИНЯТЬ», «ОРГАНИЗОВАТЬ», «УСТРОИТЬ»...: БЕЖЕНЦЫ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ИЮЛЬ-АВГУСТ 1915 Г.)¹

Первая мировая война принесла неисчислимые бедствия населению Российской империи, среди них – движение беженцев из прилегающих к фронту губерний в тыловые районы страны. Массовая эвакуация переселенцев началась в июне 1915 г., однако Главное управление по устройству беженцев было создано только 24 июля 1915 г. Закон об обеспечении нужд беженцев был принят 30 августа 1915 г., а для руководства и объединения деятельности государственных и общественных организаций в этой области образовано Особое совещание по устройству беженцев под председательством министра внутренних дел. До этого времени руководству губерний, которые оказались местом сосредоточения беженцев, приходилось рассчитывать на собственные силы и финансирование. В статье рассматриваются первые дни и месяцы пребывания беженцев во внутренних российских губерниях, а именно – Орловской. Продемонстрирована роль различных органов российского и местного самоуправления, в том числе Орловского областного комитета Всероссийского союза городов, общественных организаций, населения в оказании помощи беженцам на местах, выявлены различные, порой непреодолимые сложности, с которыми сталкивались массы людей, оказавшихся заложниками военных реалий, непродуманных решений военного командования, нерасторопности общероссийских и местных властей. Происходившее показано авторами статьи как «история снизу», т.е. от лица непосредственных свидетелей событий. С этой целью были привлечены не только делопроизводственные документы органов местного самоуправления, которым приходилось в экстремальной ситуации массовой эвакуации переселенцев достаточно быстро принимать решения, не всегда успевая документально их оформить, но и местная периодическая печать, сочетающая в себе и детальную информативность, и репрезентативный срез общественных настроений того времени.

Ключевые слова: Первая мировая война, Орловская губерния, беженцы, органы местного самоуправления, Орловский комитет Всероссийского союза городов, благотворительность.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-01-9-18

В феврале 1917 г. орловский губернатор предложил уездным земским комитетам составить краткий очерк, который бы включал в себя описание мероприятий по оказанию помощи беженцам, оказавшимся на территории губернии в годы Первой мировой войны. Для составления очерка была разработана специальная программа, которая предусматривала немалое количество обязательной информации. Так, в очерке необходимо было указать время прибытия первых партий беженцев в губернию, пункты, на которые прибывали беженцы, описать их внешний вид, санитарное состояние, показать как была организована встреча прибывающих людей. Кроме этого, губернские власти хотели получить сведения относительно правительственных организа-

ций, принимавших участие в приеме беженцев, а также в их дальнейшем устройстве. «Если прибытие больших партий беженцев вызывало <...> сооружение каких-либо особых построек или приспособления существующих помещений, то указать число их с подразделением согласно назначению» [1, л. 11], – предписывалось в программе. Более того, требовалось: «Описать наиболее крупные из таковых сооружений, указать их местонахождение, назначение, примерную стоимость их сооружения, приспособления и оборудования, приложить планы и фотографические снимки» [1, л. 11]. Присутствовали в программе и пункты, освещающие качество и размеры вещевого, продовольственного, квартирного, врачебно-санитарного, трудовой помощи, оказанной беженцам, а также

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ, проект «Первая мировая война. Повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губернии. 1915 – 1917 гг.)» № 17-21-01010 а(м).

пункты, касающийся удовлетворения их «религиозных» и «духовных нужд».

В Государственном архиве Орловской области сохранилось несколько очерков, составленных в соответствии с пожеланием губернатора, в том числе от уполномоченного Ковенского отделения Западно-русского общества по устройству беженцев в Орловской губернии, который отчитывался о пребывании беженцев русской национальности из Ковенской губернии. Имеется в наличие и очерк, представленный Брянским комитетом по беженцам, который представлял картину помощи переселенцам на территории Брянского уезда в независимости от их национальности и начального пункта отправки.

Так, согласно указанным документам, все беженцы в пути следования в Орловскую губернию находились под опекой организации Северопомощь; беженцы же Ковенской губернии русской национальности – под опекой Ковенского отделения Западно-русского общества [1, л. 29 об.].

Беженцы пребывали в Брянск по шоссе от Смоленска, Киева и Гомеля, а также по железным и проселочным дорогам. Организации, опекавшие беженцев в пути: Всероссийский союз городов (ВСР), Всероссийский земский союз (ВЗС), Северопомощь и Городской комитет помощи беженцам. В июне же беженцев стали размещать в прилегающих в селах уезда, близ Брянского завода и Мальцевских заводов, в специально возведенных бараках. Кроме того, беженцы размещались Управлением железных дорог в железнодорожных бараках, а городским комитетом – в бараках комитета [1, л. 34].

В представленных очерках указывалось также, что вышеперечисленные организации принимали участие «в питании проезжающих беженцев, приискании помещений и выдачи продовольствия..., а также выдачи одежды и обуви и так далее» [1, л. 34], перечислялись помещения, имевшиеся в их распоряжении для оказания помощи бедствующим и приводились количественные показатели беженцев, оставшихся на территории Орловской губернии на начало 1917 г. Так, согласно Ковенского отделения Западно-русского общества общее число русских беженцев в Орловской губернии составило 28593 человека, из которых в Орле и Орловском уезде оставалось

4463 человека, в Ельце и его уезде – 8056 человек, в Мценске и его уезде – 1661 человек, в Ливнах и его уезде – 4416 человек, в Карачеве и его уезде – 2469 человек, в Кромах и его уезде – 308 человек, в Болхове и его уезде – 59 человек, в Дмитровске и его уезде – 212 человек, в Севске и его уезде – 1178 человек, в Брянске и его уезде – 3412 человек, в Трубчевске и его уезде 1129 человек, Малоархангельске и его уезде – 2230 человек [1, л. 30].

Согласно данным Брянского комитета беженцев, по регистрационным книгам к первому марта 1917 года в городе и уезде оставалось 6262 человека [1, л. 34].

Однако необходимо иметь в виду, что представленные документы отражали только общую картину происходившего, не передавали всех нюансов события, исключали промежуточные этапы процесса адаптации беженцев на новых местах. Более того, можно предположить, что отчеты с мест задним числом корректировали, подправляли, а порой и улучшали показатели административной составляющей этой помощи, что в целом не позволяет всесторонне реконструировать явление, которое явилось одним из масштабных и трагичных по своим последствиям в годы Первой мировой войны.

На настоящий момент имеется несколько монографий и статей, авторы которых на общероссийских и региональных материалах разбираются в причинно-следственных связях явления массового беженства в годы Первой мировой войны [2, 3, 4, 5, 6]. Ряд из них рассматривает экономические, организационные и общественные проблемы беженства на материалах Орловской губернии [7, 8]. В представленной статье хотелось бы остановиться на первых днях и месяцах пребывания беженцев во внутренних российских губерниях, а именно – Орловской. Показать роль различных органов российского и местного самоуправления и общественных организаций в оказании помощи беженцам на местах, продемонстрировать различные, порой непреодолимые сложности, с которыми сталкивались массы людей, оказавшихся заложниками как неумолимой стихии войны, так и непродуманных, а зачастую и преступных решений военного командования, то есть предложить видение происхо-

дившего как «историю снизу» от лица непосредственных свидетелей событий.

С этой целью в статье привлечены не столько делопроизводственные документы органов местного самоуправления, которым приходилось достаточно быстро принимать решения, не всегда успевая документально их оформить, сколько местную периодическую печать, сочетающую в себе и детальную информативность, и репрезентативный срез общественных настроений того времени.

Первые упоминания о беженцах появляются на страницах орловских газет в середине июля 1915 г. Так, «Орловский вестник» за 11 июля сообщал, что «Орловским областным комитетом союза городов в настоящее время собираются сведения о числе и положении беженцев и выселенных в Орел. Работа эта вызвана запросом, поступившим на имя председателя комитета от заместителя главноуполномоченного городского Союза Кишкина» [9, № 167, 11 июля]. На запрос центрального комитета местный сообщал: «...беженцев и выселенцев в Орле большое количество, а о других городах сведений нет, и что помощь им не организована» [9, № 167, 11 июля].

Действительно, число проходившего через Орел беженцев в июле 1915 г. исчислялось тысячами: 18 июля через Орел проследовало на Курск и Тулу до 3,5 тысяч беженцев; 21 июля – до 10 тысяч беженцев, 23 июля – около 2 тысяч; 25 июля – около 2,5 тысяч человек, преимущественно немцев-колонистов, 5 августа – 10 тыс. и т. д.

Предполагалось, что при остановках поездов в Орле беженцы будут питаться на сборном пункте и получают здесь чай и горячую пищу. Питание беженцев в пути организовывали, как уже отмечалось ВСГ и ВЗС. Однако помощь оказывалась явно в недостаточном количестве. Председатель Орловского областного комитета ВСГ И.Н. Севастьянов вынужден был в связи с этим по телеграфу уведомить Главный комитет, о том, что «помощь им совершенно не организована, нет санитарного надзора, нет питания» [9, № 175, 21 июля]. Он же указывал в телеграмме на необходимость выработки общего плана эвакуации беженцев.

В то же время на станции Брянск, как следовало из заметки, размещенной в жур-

нале «Еврейская жизнь», «в крайнем раздражении обрушились на евреев, которые пришли отдать питательную помощь одному из поездов с беженцами. Им заявили, что они взвинчивают цены на хлеб. Поэтому в городе ощущается недостаток в печеном хлебе, и вообще их "махинации" известны» [10, с. 41]. Здесь же был арестован киевский уполномоченный еврейского комитета, который сопровождал евреев-поселенцев в Нижний Новгород. В пути с билетом второго класса он пересел к беженцам в вагон-теплушку 4-го класса. Жандармская часть и кондуктора усмотрели в этом подозрительное явление, несмотря на то, что он представил рекомендательные письма от Земского союза и князя Урусова [10, с. 41].

Сборный пункт на станции «Орел» был какое-то время и местом, где сосредотачивались беженцы, оседавшие в Орловской губернии. Так как в губернии в этот период не доставало рабочих рук, помещики, «пользуясь случаем», именно здесь искали рабочую силу. Здесь же представителям Брянского завода удалось нанять 200 человек в качестве чернорабочих. Некоторые из беженцев, которые искали места приказчиков с окладом 30-40 рублей, обращались к услугам «рекомендательной конторы Кожевниковой».

Орловская уездная земская управа также приняла на себя посредничество по устройству беженцев на работу в сельское хозяйство и по ремесленному делу [9, № 170, 15 июля]. На вокзале по этому поводу было повешено объявление, которое сообщало, что «За всякими справками по этому поводу можно обращаться к Каз. Мих. Оленскому, принимающему ежедневно, не исключая и праздников, от 4 до 5 час.» [9, № 167, 11 июля].

Однако на призыв уездной земской управы откликнулось всего три беженца. Один из них – маслодел был направлен управой к одному из помещиков. Обращение в управу двух других, народного учителя и сестры милосердия, оказались безрезультатными. В то же время представители «интеллигентных» профессий почти не обращались с просьбами по устройству, надеясь, что ВЗС найдет для них работу в госпиталях.

Не стремились устроиться на работу и представители так называемой «серой», по определению «Орловского вестника», массы

беженцев, что было удивительно при высоком спросе в городе, например, на женскую прислугу. Газета объясняла этот факт отсутствием у беженцев видов на жительство и, вообще, каких бы то ни было документов.

«А таких "бездокументных" оказывается достаточно много, – делался вывод на страницах издания, – и положение их тем ужаснее, что при всем желании работать на определенном месте – "служить" – они не могут сделать это» [9, № 179, 26 июля].

В воскресенье 19 июля, под председательством председателя губернской земской управы С.Н. Маслова, с участием представителя ВСГ И.Н. Севастьянова, товарища председателя местного отделения Татьянинского комитета¹ К.М. Оленского и коменданта станции «Орел» Барщова состоялось совещание по организации помощи прибывающим в Орел беженцам. Так как среди них сразу были обнаружены инфекционные больные, было решено установить за ними санитарное наблюдение [9, № 176, 22 июля].

Совещание посчитало непосильным для одного человека (имея в виду К.М. Оленского) заниматься трудоустройством беженцев и признало необходимым организовать для этой цели особое бюро, которое должно было заботиться поиском для них как временного приюта, так и постоянных квартир.

Беженцев, которые пытались найти работу было решено размещать в гусарских казармах, а, если это окажется невозможным, выстроить для них барак вблизи вокзала. Для временного размещения беженцев был предназначен дом Пессониуса на Малой Мещанской улице и дом-башня на Левашовской горе. Для беженцев, не имевших никаких средств, было решено сохранить бесплатный отпуск чая и обедов. Руководство деятельностью вновь созданного бюро было возложено на местное отделение Татьянинского комитета и лично на К.М. Оленского.

Уже в 20-х числах июля 1915 г. Орловский соборный пункт потребовался военному ведомству и беженцы стали переселяться в отведенные для них дома: Евтюхова

(на Пушкарной улице), Покорской (на Полеской площади) и в помещение, в котором находился ранее приют для алкоголиков. Помимо трех домов, а точнее говоря, голых стен и соломы для подстилки на полу, управой было отпущено беженцам некоторое количество дров. Однако они оказывались практически невостребованными, т. к. готовить пищу им было не из чего и не в чем. При этом городская управа не озаботилась и устройством какого-либо освещения в отведенных беженцам домах, что заставило газетчиков бить тревогу, «так как пользование спичками и огарками в помещении, полном соломы», могло «привести к самым нежелательным последствиям» [9, № 179, 26 июля].

По просьбе санитарного врача, который обращался в управу с предложением выделить хоть какие-то деньги на питание беженцам, на три дома, в которых проживало уже 300 человек, было выделено 30 руб.

Журналист «Орловского вестника», посетивший дома беженцев 24 июля, из увиденного, которое он охарактеризовал возгласами: «Ужас, ужас, ужас!», вынес следующее заключение: «Если не будут устроены (хотя бы летнего типа) бараки или не будут отведены помещения, приспособленные для общежития, и в этих помещениях не будут устроены кубы для кипячения воды и котлы для варки пищи, причем пища должна выдаваться беженцам бесплатно, и если не будут в помещениях особые смотрители, то среди беженцев появятся заболевания, а занятые ими теперь помещения превратятся в очаги заразы» [9, № 178, 25 июля]. «Проснитесь, "отцы города"! – взывал далее журналист. – Вы не предприняли и не принимаете мер против наплыва беженцев, так извольте заботиться о них, ибо забота о них – есть охрана здоровья коренных горожан» [9, № 178, 25 июля].

Необходимо отметить, что упреки журналиста к городским властям были не совсем справедливы. Совет министров издал постановление о создании института главноуполномоченных по устройству беженцев только 24 июля 1915 г. [11, с. 245]. Тогда же было объяв-

¹ «Татьянинский комитет» (14. 09. 1914 – 02. 1917) создан по инициативе Великой княжны Татьяны Николаевны и находился под ее руководством. Занимался оказанием единовременной материальной помощи пострадавшим, содействовал воссоединению семей и отправлению беженцев на место постоянного

жительства, присканием занятий для трудоспособных, помещением нетрудоспособных в больницы, богадельни и приюты, устройством детей в учебные заведения, организацией собственных приютов.

лено о создании Главного управления и местных комитетов по устройству беженцев в губерниях и стал выработываться общий план эвакуации. Закон об обеспечении нужд беженцев был принят 30 августа 1915 г. и для руководства и объединения деятельности государственных и общественных организаций в этой области образовано Особое совещание по устройству беженцев под председательством министра внутренних дел [12, с. 1-6].

Местным органам самоуправления, таким образом, приходилось до определенного времени рассчитывать на свои силы в решении проблем беженцев, которые, как было отмечено, уже с 11 июля стали стихийно оседать в Орле и рассредоточиваться по уездам губернии.

Ситуация, изображающая начальный этап процесса беженства, была описана в воспоминаниях Ф. Кудринского, заставшего первые волны переселенцы в одном из городов Могилевской губернии. Однако, как представляется, ее можно экстраполировать и на реалии Орловской губернии: «Вдруг телеграмма: встретить и принять 1000 прибывших выселенцев, организовать подводное, санитарное и питательное дело. И все это безотлагательно. А главное – ни слова о средствах. "Принять", "организовать", "устроить"... А из каких, спрашивается, сумм? Из пальца организации не высосешь <...> Ну, положим, санитарную сторону еще куда ни шло. Это можно. Написал врачу <...> Взяли две-три сестры милосердия, и дело готово. Но как организовать, питание?» [13, с. 89].

Изначально не подготовленным к наплыву беженцев оказалось и местное отделение Татьянинского комитета (товарищ председателя – К.М. Оленский). Открытое в Орле 25 февраля 1915 г. оно существовало на деньги благотворителей и к моменту появления в городе беженцев имело в кассе 130 руб. [9, № 190, 11 августа]. Уже 11 июля на его попечении числилось более 200 беженцев, которым нужно было изыскивать средства на наем квартир и питание. Отделение на своем заседании в начале 20-х чисел июля признало необходимым организовать бюро по регистрации беженцев и постановило ходатайствовать перед главным комитетом об отпуске 5000 рублей на оказание помощи жертвам войны [9, № 178, 25 июля].

Собрание городского комитета ВСГ

также ходатайствовало перед своим Главным комитетом об отпуске 5000 руб. Были составлены и отправлены в Главный комитет планы на постройку для беженцев 3-х барачков на 300 человек, двух навесов для столовых – каждый на 350 человек, кухни и конторы на сумму около 30 тыс. руб. Одновременно комитет просил ассигновать 200 руб. в месяц на содержание бюро труда, 300 руб. в месяц на организацию санитарного надзора за беженцами и 25 коп. на питание в сутки на одного человека из расчета, что придется кормить примерно 1000 чел в сутки.

Орловской городской управой уже 28 июля было сделано распоряжение о снабжении помещений, занимаемых беженцами, лампами, туда же из богоугодного заведения стали доставлять «койки-топчачки», которые должны были заменить солому.

Немалую лепту в оказание помощи прибывающим вынужденным переселенцам на начальном этапе движения беженцев внесло местное население.

Пожертвования в пользу беженцев стали поступать в контору «Орловского вестника» 25 июля 1915 г. Первыми внесли свои взносы Годелюк – 5 руб., городской санитарный врач В.В. Хряпин – 10 руб. Инициативные жители города публиковали такого рода объявления на страницах газет: «Откликнитесь же, орловцы, и помогите, кто чем может, этим жертвам войны. Прилагая при сем в пользу беженцев 10 рублей (эти деньги вошли в список пожертвований), хочу верить, что орловцы не останутся глухи к страданиям людей, ждущих от нас помощи к их горю» [9, № 179, 26 июля]; «Просьба. Не забудьте сегодня опустить в кружку сборщика ваше пожертвование в пользу беженцев» [9, № 186, 5 августа].

И, действительно, денежные средства от населения поступали ежедневно, о чем неизменно сообщалось в газете. Например, к 26 июля в пользу беженцев поступили денежные взносы «от Нади и Вовы Быковых детям беженцев 3 руб. 10 коп.; от детей неизвестных 26 коп.; от С.С. Мартемьяновой 5 руб.; от протоиерея Васильева 5 руб.; через него же от разных лиц 10 руб.; от Трипольской и Ивановой 5 руб. 40 коп.; от Кузнецовой 5 руб.; от В.К. Чирикова 100 руб.; от инспектора епархиального женского училища Соколова 3 руб.; от

Неизвестного 10 руб.; от Зика 10 руб.; от служащих губ. по земским и городским делам присутствия 4 руб. 50 коп.; от Матвеева 5 руб.; от Неизвестной 6 руб. 50 коп. Всего с поступлений – 205 руб. 76 коп. [9, № 179, 26 июля].

Орловский дамский комитет 4 августа 1915 г. объявил о кружечном сборе¹ в пользу «бесприютных, беспризорных, выбитых из колеи людей» Всего было использовано для сбора 200 кружек. Сбор составил 2124 руб. 41 коп. Так, «в кружках № 117 Т.С. Андреевской оказалось – 303 руб., в кружке № 59 М.В. Галаховой – 95 руб. 76 коп., в кружке г-жи Жигалкиной – 54 руб., в кружке № 34 г-жи Пуюко – 42 руб.» [9, № 186, 5 августа].

С предложениями по оказанию содействия переселенцам выступили и учащиеся Орла, обратившись с этой целью во вновь образованное бюро по оказанию помощи беженцам Татъянинского комитета. Сначала между ними возникли некие «недоразумения», которые были связаны как с отсутствием средств, так и с «непрозрачной» отчетностью комитета. «Орловский вестник» описывал ситуацию следующим образом: «а) группу студентов "сразу же снабдили не только книгами и плакатами, но <...> и председателем"; б) работать группе пришлось по своему усмотрению и за счет сумм, могущих быть полученными неизвестно откуда; в) участие и содействие своей работе пришлось чуть ли не вымаливать, "а управские гривенники –выклянчивать" и д.) в последний день работы послали г.г. студентов за деньгами для беженцев (пресловутые гривенники) из городской управы к К.М. Оленскому, где они также денег не получили» [9, № 185, 4 августа].

Однако по мере того, как стали поступать пожертвования от частных лиц, бюро по оказанию помощи беженцам активизировало свою деятельность. Так, с 25 июля по 1 августа было собрано пожертвований: 275 руб., 10 фунтов сахара, 1 фунт чая, одежда. Бюро зарегистрировало 479 беженцев, нуждавшихся в помощи, из которых 286-ти было предоставлено, благодаря помощи студентов, помещения для проживания, а 45-ти найдены квартиры. Беженцам, которые сами находили жилье, были выделены пособия на сумму в 205 руб.; им же

были розданы сахар и чай. Работа была предоставлена 18 беженцам [9, № 185, 4 августа].

В то же время скопление беженцев в Орле и Брянске явилось полной неожиданностью для Главного управления по устройству беженцев, представитель которого 4 августа прибыл в Орел. Согласно плана, выработанного при Министерстве внутренних дел, Орел и Брянск были намечены, в качестве эвакуационных пунктов для продвижения беженцев в губернии, расположенные восточнее. Совещание при начальнике губернии, руководствуясь этим, постановило всячески содействовать выселению их за пределы губернии. Исключение было решено сделать для переселенцев, чьи дети устраивались в местные учебные заведения и для больных. Остальных же решено было предупредить, что рассчитывать на помощь местных организаций они могут только до момента нового наплыва людей. Беженцам, которые устроились на квартирах в городе, с 6-го августа должна была быть прекращена бесплатная выдача пищевого довольствия [9, № 186, 4 августа].

Тем не менее, независимо от принятых решений, местное бюро помощи беженцам при поддержке населения продолжало свою работу. Так, на заседании 5 августа с участием представителей города и делегатов от учащихся было принято решение питание беженцев, проезжавших через Орел, предоставить ВЗС, питание беженцев, поселившихся в Орле – ВСГ. Орловское городское самоуправление взяло на себя оказание медицинской помощи и снабжение дровами помещений для беженцев. Татъянинский комитет обязался продолжить поиск жилья и работы для переселенцев. Студентам было предложено обходить вагоны приходящих с беженцами поездов для определения состояния здоровья переезжающих, а также выяснения, нет ли среди них желающих устроиться на работу.

Независимо от предполагаемого выселения беженцев, было решено в их домах бесплатно установить кипятильники и исправить, где необходимо, очаги, организовать пункты питания, доставлять два ведра молока для детей-беженцев. Городские власти обязались снабжать беженцев водой, а также

¹ Сбор денег при помощи кружек. Традиция брала начало, по-видимому, в практике пожертвования прихожан в церквях в церковные кружки.

предоставить им небольшое количество дров по заготовительной цене (43 руб. за сажень, или 15 коп. за пуд) [9, № 167, 6 августа].

Курировать дома беженцев вызвались студенты, которые обо всех заболевших должны были докладывать санитарному врачу. Кроме того, на совещании было признано желательным устройство приюта-яслей для детей беженцев. Решено также было выйти с предложением к владельцам бань относительно возможности их использования переселенцами.

Местный «Электро-театр» объявил о благотворительных сеансах в пользу беженцев. Пожарное общество устроило в городском саду гулянье в их же пользу, что дало сбор в сумме 700 руб. Директор музыкальных классов И.Р.М.О. предложил устроить симфонический концерт в пользу беженцев и просил «всех г. музыкантов профессионалов и любителей принять в нем участие» [9, № 199, 22 августа].

В августе в орловские организации, занимавшейся оказанием помощи беженцам стали поступать денежные средства из центра. Они были меньше запрашиваемых сумм, тем не менее, предполагали хоть какое-то улучшение положения переселенцев. Так, председатель местного областного комитета ВСГ И.Н. Севастьянов получил 1000 руб. [9, № 184, 3 августа]. «Татьянинский комитет» к этому времени располагал капиталом в 4500 руб., и мог выдавать небольшие ссуды отъезжающим из Орла беженцам [9, № 195, 18 августа].

Областной комитет ВСГ уже 19 августа постановил построить в течение 2-х недель барак для питательного пункта для беженцев с пекарней, кухней, ночлежкой и др. службами, стоимостью 7-8 тыс. руб. [9, № 199, 22 августа].

К этому времени он состоял из вокзальной, эвакуационной и хозяйственной комиссий. Вокзальная комиссия с ж. д. агентом и врачом принимала прибывающие поезда (иногда их было 10-15 в сутки), снимала с поездов больных, а также тех из переселенцев, кто находил работу, подбирала вагоны для составов. При вокзальной комиссии находилось трудовое бюро, осуществлявшее трудоустройство беженцев и к 20-м числам августа устроившее около 5 тыс. человек на работу.

Эвакуационная комиссия занималась жилищным устройством осевших в Орле беженцев: здоровые направлялись в бесплат-

ные дома, больные – в богоугодное заведение. Эвакуационная комиссия подыскивала и частные квартиры для беженцев, она же распределяла вылечившихся беженцев и отставших на проходящие поезда. Наконец, хозяйственная комиссия ведала питанием, санитарным надзором и прочими нуждами как беженцев, распределенных в бесплатные дома, так и снимающих жилье в разных частях города. К этому времени в Орле было четыре дома, где беженцы селились бесплатно. В двух домах были организованы кухни, доставлялось бесплатное молоко. Медицинская помощь оказывалась городскими санитарными врачами Хряпиным и Хаймонским [9, № 199, 22 августа]. К концу августа 1915 г., казалось бы, все забыли, что Орел и уезды губернии не предназначались для постоянного проживания переселенцев.

Был образован Орловский епархиальный комитет по призрению беженцев под председательством преосвященного Григория. Комитет поручил благочинным немедленно собирать сведения, где и сколько можно поместить беженцев духовного звания в церковных домах, занимаемых духовенством. Было решено разослать подписные листы для записи пожертвований и предложить им произвести по приходам до 20 сентября сбор в пользу беженцев «натурой и деньгами» [9, № 199, 22 августа], к 20-му сентября – сбор в храмах. При станциях ж.д. в Орле, Брянске, Ельце, Ливнах и Карачеве предполагалось устройство дежурства духовенства (священника и псаломщика) для удовлетворения религиозных нужд беженцев.

Заведующим церковными школами Орловской епархии было разрешено принимать в школы детей беженцев не только православного, но и других исповеданий [9, № 199, 22 августа]. Казенная женская гимназия из г. Ловича получила разрешение попечителя Варшавского учебного округа на начало занятий в Орле. Гимназия разместилась в здании реального училища Томашевских, с 9 сентября объявив приемные экзамены. В объявлении указывалось, что «в число учениц принимаются и не беженки (вакансии есть во всех 7 классах). Плата – 50 руб. в год». [9, № 204, 28 августа].

Из Главного управления ВСГ было переведено в Орел 10000 руб. на постройку барачков и питание беженцев [9, № 204, 28 августа].

Представляется, что заметка, помещенная 27 августа в «Орловском вестнике», отчасти объясняет изменившиеся планы в отношении переселенцев. Речь в ней шла об евреях-беженцах, которых к этому времени проследовало через Орел около 10000 человек. Однако ввиду того, что места, в которые направлялось еврейское население, оказались переполненными, было решено в дальнейшем размещать их в пределах Орловской губернии. Местный комитет, который занимался призывом еврейского эвакуированного населения, занялся поиском для них жилья в уездных городах губернии [9, № 203, 27 августа]. Можно предположить, что подобные проблемы возникали и в отношении других групп переселяемых. Внутренние губернии Российской империи не в состоянии были принять многомиллионный поток беженцев из прифронтовых западных территорий, поэтому часть его пришлось переориентировать, исходя из сложившейся ситуации.

Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего от 26 августа 1915 г. направлять беженцев, независимо от первоначального плана назначения, в Орел, Брянск, Сухиничи, с целью разгрузить основную дорогу к Москве, которая была загружена, т. е. использовать имеющиеся обходные железнодорожные пути. Губернаторы ряда губерний, в том числе и Орловский, были предупреждены об устройстве дополнительных распределительных пунктов, о подготовке врачебного и питательного оборудования [14, с. 21].

Таким образом, беженство на протяжении военных лет стало неотъемлемой частью экономической и социально-культурной истории Орловской губернии. К концу декабря 1915 г. переселенцев на территории губернии, согласно справке Губернского областного управления оказалось по неполным данным 52145 человек [15, л. 26].

Список литературы

1. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 5384.
2. Алферова И.В. Дорога на восток (проблема беженцев как один из факторов повседневности в годы первой мировой войны) // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3(33). С. 16-23.
3. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914 – 1925 гг. М., 2014. 432 с.
4. Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.
5. Корнелюк В.Г. Беженцы войны в белорусских губерниях и первый опыт государственной и общественной помощи беженцам (1914 – первая половина 1915 годов) // Новый исторический вестник. 2017. № 1(51). С. 51-66.
6. Михалев Н.А., Пьянков С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4(49). С. 95-105.
7. Букалова С.В. Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014. № 1. С. 246-252
8. Букалова С.В. Роль местного самоуправления в организации помощи беженцам в годы I мировой войны // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2016. №3 (11). С. 61-79.
9. Орловский вестник. 1915.
10. Еврейская жизнь. 1915. № 10-11.
11. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. (Уложенные С.М. Левиным). Пг., 1916.
12. Закон и положение об обеспечении нужд беженцев (СУ. 1915. № 242. 1 сент. Ст. 1842) // Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. Вып. 1.
13. Кудринский Ф. Людские волны // Неман. 1997. № 6. С. 79-193.
14. Алферова И.В. Дорога на восток // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3 (33). С. 16-23.
15. ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5245.

**"ACCEPT", "ORGANIZE", "ARRANGE»...: REFUGEES IN OREL PROVINCE
(JULY-AUGUST 1915)***

The First World War brought countless disasters to the population of the Russian Empire. The movement of refugees from the provinces adjacent to the front in the rear areas of the country is among them. A mass displacement began in June 1915, however, the Head Office on the arrangements for refugee relief was created only on 24 July 1915. The Law on refugees was adopted on August 30, 1915. To guide and unite the activities of governmental and public organizations in this field the Special Council for Refugees was founded. It was chaired by the Minister of the Interior. Until that time the local authorities of the provinces which turned out to be a place of concentration of refugees had to rely on their own resources and funding. The article deals with the first days and months of refugees' stay in the internal Russian provinces, in Oryol province in particular. The role of various bodies of Russian and local self-government, including the Orel regional Committee of the all-Russian Union of cities, public organizations and the population in providing assistance to refugees is demonstrated. Various, sometimes insurmountable difficulties faced by masses of people who were hostages of military realities, ill-considered decisions of military command, sluggishness of all-Russian and local authorities were revealed. All events happened are shown by the authors of the article as "history from the inside", i.e. on behalf of direct witnesses of the events. For this purpose not only office documents of local authorities, who had to make decisions in an extreme situation of mass displacement fast enough, who did not have enough time to document, but local periodicals, which combined detailed, informative and representative public moods of that time were used.

Keywords: World War I, Orel province, refugees, local authorities, Orel Committee of the all-Russian Union of cities, charity.

References

1. Gosudarstvennyi arhiv Orlovskoy oblasti (GAOO) [The State Oryol Region Archive (SORA)]. F. 4. Op. 1. Ed. hr. 5384.
2. Alferova I.V. the road to the East (the problem of refugees as one of the factors of everyday life during the first world war) // Vestnik bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No. 3 (33). C. 16-23.
3. Belova I.B. Forced migrants: refugees and prisoners of war of the first world war in Russia. 1914 – 1925, M., 2014. 432 p.
4. Kurtz, A.N. The refugees of the First world war in Russia (1914 – 1918) // Questions of history. 1999. No. 8. C. 98-113.
5. Kornelyuk V.G. Refugees of war in the Belarusian provinces and the first experience of the state and public help to refugees (1914 – the first half of 1915) // New historical Bulletin. 2017. No. 1 (51). C. 51-66.
6. Mikhalev N.A. Pyankov S.A. Refugees of the first world war in the Russian Empire: number, location, composition // Ural historical Bulletin. 2015. No. 4 (49). C. 95-105.
7. Bukalova S.V. Policy of attracting refugees to agricultural work during the First world war // Yearbook on agrarian history of Eastern Europe. 2014. No. 1. C. 246-252
8. Bukalova S.V. the Role of local government in the organization of assistance to refugees during the first world war // St. Petersburg historical journal: research on Russian and world history. 2016. No. 3 (11). C. 61-79.
9. Orel Herald. 1915.
10. Jewish life. 1915. No. 10-11.
11. The most important laws, decrees and orders of wartime. (Laid S.M. Levin). Pg., 1916.
12. Law and regulation on ensuring the needs of refugees (SU. 1915. No. 242. 1 Sep. St. 1842) // Refugee Laws and regulations. M., 1916. Vol. 1.
13. Kudrinsky F. Human waves // Neman. 1997. No. 6. C. 79-193.
14. Alferova I.V. The road to the East // Vestnik bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. No. 3 (33). C. 16-23.
15. GAOO. F. 4. Op. 1. E. h. 5245.

Об авторах

Алфёрова Ирина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории, политологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Фишер Екатерина Сергеевна – аспирант, кафедра отечественной истории, факультет истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: fisher.keit@yandex.ru

Alfyorova Irina Viktorovna – Doctor of History, Professor of department of philosophy, history, political science, Bryansk Academician I.G. Petrovsky State University (Russia), E-mail: alferovairi@yandex.ru

Fisher Ekaterina Sergeevna – a postgraduate student, Department of Russian History, Faculty of History and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: fisher.keit@yandex.ru